

Олег Паршев

Игра в блюз

Олег Паршев

Игра в блюз. Книга стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29607793

ISBN 9785449040121

Аннотация

Я долго жил в озере. Не помню точно: Байкал или Лох-Несс... По вечерам на спинах моржей там плавал синий стрекозий лес. Сверху падала вечность, заплетая в косы окрестные берега. Каторжники, попавшие в эти края, говорили: О, чёрт!.. И ударялись в бега.

Содержание

Скоро ветер сломает лёд	6
Ветры не вечны	6
Здравствуй, милая Фрези	8
О Аэлита, сыграй на флейте	10
Время строить мосты	12
Пройти по тропе шмелей	13
Путешествуя в пустоте	14
Грежу тобой и читаю Лунь Юй	16
Скоро ветер сломает лёд	18
Врастая корнями в тину	19
Пора увидеть, как плавится лёд	20
Год непредсказуемых лун	21
Лишь полоса	21
Глянь новым оттенком глаз	23
Искусство движения в тёмной воде	24
Год непредсказуемых лун	26
Мы когда-то здесь шли	30
Апрель – ангел календаря	31
Ветер на льду	33
К чему?..	34
Морок	35
Навылет	36
Аминем бесов не избыть	37

Что будет дальше...	38
На кинематическом вираже	40
Во имя	41
19.10.2014. Пятигорск	42
Царапая карту вселенной	43
Беспилотник	43
Царапая карту вселенной	45
Коктейль из огня	47
Полгода	49
Можешь стать рядом со мной	51
Над холмами во ржи (к вопросу о Erinaceus nebula)	52
Наши будущие следы	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Игра в блюз

Книга стихов

Олег Паршев

© Олег Паршев, 2018

ISBN 978-5-4490-4012-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Скоро ветер сломает лёд (2013—2014)

Ветры не вечны

Когда ты печёшь зимний хлеб из улыбок и ягод,
То волосы пахнут твои иван-чаем и льном.
Январского хлеба хватает без малого на год.
И мне остаётся всего лишь сходить за вином.
Не долог на самом-то деле заснеженный вечер —
Он мчит что есть духу, да так, что не счесть до пяти.
Но помнишь, при свете свечи Том шептал Бекки Тэтчер:
Не надо, не плачь... Всё у нас впереди...

Кофейные тучи так близко, что некуда ниже,
И тают в руках зеркала; отраженья — к реке...
С поклажею света ты к звёздам уходишь на лыжах,
А мне остаётся идти за тобой налегке.
Февральские бури несут колесницу Борея,
Но ветры не вечны — их сменят цветные дожди.
Ты помнишь, шептала Ассоль сероглазому Грею:
Ничто не напрасно, и всё — впереди...

Румяное солнце распахнуто в марте до края.
Грачи вдоль по радугам торят тропу за тропой.
Ты варишь на кухне душистое золото мая,
А мне остаётся смириться с твоей ворожбой.
Капель по карнизам развесила звонкие нити.
Взлетели метели и скрылись вдали – не найти...
И, знаешь, не зря Лось шептал в небеса – Аэлите:
Я буду с тобой... Всё у нас впереди!

Здравствуй, милая Фрези

Отраженья твои я ловлю на дожде законном.
От конца февраля не дожидаться сиянья небес.
Мы всегда обходились без правил и прочих законов.
Но теперь ты – за мглой. Остаётся писать смс:
Здравствуй, милая Фрези. Позволь на тебя наглядеться.
Я достал для тебя виноград и немного сабли.
Ты же знаешь сама: жизнь – не более чем интермеццо.
Приходи поскорей. Приходи, не касаясь земли.

Над заливом туман. Корабли отдыхают на рейде.
Капитаны дымят беззаботно сырым табаком.
Мы так долго не знали о Юнге и даже о Фрейде.
Впрочем, сколь не узнай, всё одно, помирать дураком.
Здравствуй, милая Фрези, – шепчу я почти что безмолв-
но, —

Ты, наверное, там, где в просторах – зелёные льды.
Тучи лижут луну. Под тобою – бегущие волны.
Ты гуляешь по ним, лишь немного касаясь воды.

Уповая на свет, мы ступаем в тени безоглядно.
Откровенно сказать, выбор света во тьме невелик.
Догорает свеча. В хрустале ждёт тебя виноград, но...
Ты сейчас вдалеке, где закат к океану приник.

Здравствуй, милая Фрези... Я вновь не дождался ответа...
Наши письма с тобой, как обрывки несыгранных пьес.
Ты, конечно, придёшь, но сегодня ты всё ещё где-то
Ходишь тропками неба, почти не касаясь небес.

О Аэли́та, сыграй на флейте

Вольный ветер рвёт занавески,
Свитые из фольги и перьев.
Небо стекает – водой по фреске.
Время жить, в чудеса поверив.
О Аэли́та, возьми гитару,
Спой мне блюз ледяной печали.
Я, возможно, тебе не пара,
Но мне верить: всё вначале.

Ночь нисходит в просторы света,
Чертит тени на наших лицах.
Ночь – пространство седого Сета.
Ра с утра прилетит на птицах.
О Аэли́та, сыграй на флейте,
Спой мне свой марсианский регги.
Рыжий парус подняв на рейде,
Мы войдём в золотые реки.

Ты заваришь мне пенье ветра.
Слёзы ветра безмерно жгучи.
Сдобрим ветры кедровой цедрой.
Кедры Марса пронзают тучи.
О Аэли́та, присядь к роялю.

Рок-н-ролл сблизит нас, как прежде.
И в лилово-густые дали
Мы уйдём к островам надежды.

Время строить мосты

Снова тупик.

Или – недостроенный мост.

Часы с лентой проронили: «тик»,

Выбор их слов абсолютно прост.

Они говорят: «ступай прямо ввысь!

Хотя, нет – поспеши в глубину...».

Как хорошо, что я вышел «из».

Жаль, что ко дну.

Можешь читать Коран и И цзин,

Авесту и Новый Завет,

Но если забрёл в рощу осин,

Выхода нет.

Время снова меняет ник.

Шепчут часы: «береги каждый шаг».

И капают в ухо Вселенной свой ностальгический «тик»...

Дождь – по этикету дзен – отвечает: «так».

Пройти по тропе шмелей

Читая Гоголя через третье слово,
Понимаешь, что это – Джойс. (А через восемь – Хемингуэй.)

Ох, как непросто начать ab ovo.

Ещё трудней пройти по тропе шмелей.

Гораздо легче под плач вузузел

Искать (и находить!) новых врагов.

Хотя уже три вечности видно в окно и в прицел,

Что не на всякий дождь найти четвергов.

Путешествуя в пустоте

Майская ночь.

Утопленницы выходят из вод.

Над головою огни вышивают
тропу самолётов в тенистые страны.

Мы уже у двери, но вместо ключа —
тайный запретный плод.

Его подарил нам ручной чернослив,
что пил из кувшина святой и праведной Анны.

Твоя планета – Весна.

Твой цвет – ландыш и мак.

Я смотрю на тебя (эта ночь, как фонарь),
отдавая дань немоте.

В пустоте путешествует,
сотворивший небо Рыбак.

Автобус, который толкал Сиддхарта,
нашёл приют в Элисте.

На горизонте, кажется, дождь.

Будем пить взгляды с вином, забыв телефон,
вспоминая закат. На троне заката
дремлет вневременный воин.

На нашем столе шоколад и лимон.

Наверное, скоро мы выйдем вон.
Чтобы понять,
насколько путь многослоен.

Грежу тобой и читаю Лунь Юй

Лунные лики – латунные блюдца —
В лужах бликуют, ликуют, смеются.
Фосфор луны нежен, как поцелуй.
Грежу тобой и читаю Лунь Юй.
Вот что сказал многославный Кун-Цзы:
Все мы отрады своей кузнецы.
А благородный в стремлениях муж
Должен быть светом премудрости дюж.

Будет мне в этом Конфуций примером.
И расцветёт на душе primavera.
Был яровым я, а нынче – озим,
Но мрак огнезраком мы всяко пронзим!
Жаль, от тебя я опять вдалеке,
Да поиссякли запасы sake.
Но что мне – sake? Будда, право же, – с ним!
Вечной тобой я повсюду храним!

Полнится мой туесок ежевикой.
Будет она мне в пути адживикой.
На Махаяне помчу я к тебе!
Выложу видео на YouTube`.
Вдоль да по Волге дорога бежит.

Встретимся скоро – в преддверии ид.
Много по миру ригвед-кастанед.
Но мне только ты даришь истинный свет!

Скоро ветер сломает лёд

Небо лежит над морем, но не даёт тепла.
Солнце уходит к югу, тьму сжигая дотла.
Под кораблём 7000 миль неизречённых вод.
Некуда бросить якорь. Нужно идти вперёд.
Я видел здесь тех, у кого вместо сердца 9 стеклянных рыб,
Вместо души – дождь за окном и фелицитарный чип.
Они, как стая брошенных кукол, падали в океан.
Но их океан без труда умещался в разбитый до дна стакан.

А где-то за морем Чжан Голао,
Выйдя из соли болот,
Льёт из стакана воду, чтоб оживить мула.
Поёт заклинание 8-й октавы,
Видя, что небо над морем уснуло.

Зная, что скоро ветер сломает лёд.

Врастая корнями в тину

Отдали швартовы. Барк медленно отвалил.
В трюмах – то, что во имя Духа, во имя Отца и Сына.
Косолапя, ползём, зарываясь винтами в ил,
Врастая корнями в тину.
Берег всё дальше. Курс – на задымлённый вест.
Приказ: отключить телефоны – шкипер слушает розу вет-
ров.

Если Сцилла не выдаст, а Харибда не съест,
Доберёмся за пять вечеров.
А пока можно думать о нас, ноги укутав в сон.
Пока можно грезить о безмерности дали.
Солнце над горизонтом – как розовощёкий слон,
Которому видно: ты ждёшь меня на причале.

Пора увидеть, как плавится лёд

Ещё один день... Сколько осталось их?
Возможно, я скоро выберу час-другой, чтоб постареть.
Раньше я всё умножал на себя, теперь делю на двоих.
И вовсе не против, если так будет впредь.

Трансцендентный круг, маятник и часы...

Я оставил себе только этот нехитрый скарб.

А когда ты связала мне плед из энергии ци,

Я перестал отражаться в прошлом, словно зеркальный
карп.

Мы долго спали, как чёрное дерево в ночной глубине.

Но настало время симфоний и сказок, веретена и спиц.

Хватит спать с кинжалом в зубах! Пора открыться луне,

Чтоб увидеть, как плавится лёд под крик перелётных
птиц.

Год непредсказуемых лун (2013—2014)

Лишь полоса

Когда зимой поутру
на улице мороз, а природа нехожена и свежа,
можно в оконном инее протереть дыру,
проложить от глаза в небо тоннель
и посмотреть на солнце, что похоже на морского ежа.
Улицы все в снегу.

Ты уже что-то лепишь: клёцки, кажется, или кнель.
Я гляну ещё разочек и тебе помогу.
Везде сугробы, дальше крыши и дым.
(Трубы похожи на морских актиний.)
За крышами – пруд,
за ним... ну, там много чего за ним.
Ладно... опять нарастает иней...

А к вечеру надо поставить ёлку. Пожалуй, вон в том углу.
Повесим шарики и гирлянды,
хлопушки и серпантин,
И когда начнут бить куранты,

присядем к столу.

И тогда старый год, сбрасывая свой
бытовой, роговой
хитин,
выпорхнет бабочкой, полетит сквозь тоннель —
в прозрачные небеса;
через метель,
через весну и лето...

А потом и от него останется лишь полоса.
Интересно, какого цвета?

Глянь новым оттенком глаз

Если ходишь во мгле, значит, луна растёт.

Свет, словно зерно, питается талой водой.

Глянь новым оттенком глаз на восходящий год:

Можешь ли ты сказать, который из дней – шестой? —

Когда наступит час открывать слова;

Когда придёт срок оснастить корабли;

Когда ты станешь настолько один, что поделишь себя

на два,

И скажешь: Ева, держись, нас ждут за гранью земли!..

Добыть решение дня – всё равно что построить дом.

Для этого нужно запечь в углях луч лекарственных звёзд.

И тогда, оттолкнувшись от дна земли заржавевшим крылом,

Уйдёшь туда, где звёзды выют свои города из гнёзд.

Искусство движения в тёмной воде

Что нам известно
об искусстве движения в тёмной воде?..
Только то, что будущее отвесно —
Впрочем, это везде.
Вот и рассвет нынче занят собой. Что ж, всё — как всегда.
Я набираю твой номер. Ты говоришь: «Да».

– Доброе утро, моя ненаглядная леди!

Расскажи, как спалось?..

А я вот не спал...

Репейник с головою медведя

строил гнездо

у полуночных скал.

А под утро прямо в моём декабре

наобум, на авось

он трансмутировал ре

до безупречного до;

преображал Аз и Буки

в певчие Веди...

В общем, сон прошёл через меня насквозь,

моя прекрасная леди...

Ты нажимаешь отбой.

Сядишься рядом и говоришь:

– Я буду с тобой

пока, отражаясь от крыш,

солнце кипит на небесной плите,

а ночи густы...

Улыбаясь, гляжу на тебя и думаю с недоумением:

зачем мне тайны движенья

в застывшей воде,

если со мною ты?..

Год непредсказуемых лун

Никто не знал, чем закончится этот снег.

Сумрак рассвета метался – сер, как 7-е число огня.

Но бобры уже выходили на берег, почуяв ветер подлёдных рек.

И заклинатель солнца сказал: вот и всё... завтра ты заметишь меня...

Он сидел недвижим, ожидая письма от жены.

Его жена ушла к тем, кто забыт; кто остыл, как молчание струн.

И заклинатель за лоскутом лоскут отрывал от чувства своей вины,

Бормоча: вот и начался год непредсказуемых лун...

Чтоб занять время своей беды, он солил светом звёзд верный четырёхмерный нож,

Из опавших лучей выкраивая ремни.

А потом прохрипел: ты и она... каждый из вас друг на друга тайно похож.

Единственно жаль, что в последнее время так участились дни.

Ночь устилала небесное дно плачем перелётных химер.

Заклинатель загружал себе в голову смерть — в час по 1000 бит.

Чуть напивавшись тьмой, он шепнул: когда вы уйдёте в ирисы завтрашних эр,
Уже никто не будет забыт.

Что будет с нами, когда этот новый войдёт во вкус?..

Город толпился, пыхтел, ходил бугристыми ходунами,
вздрагивал от набегающего хлада,
и весь стар до самого зелёного млада
не знал, что делать с наступающими временами.

Мы, между тем, подливая себе напитки,
размышляли о пранаяме,
о Чаадаеве, Шнитке,
энцефалитных клещах,
в общем, о всяких интересных (и не очень) вещах,
таких, как гейзеры на Нептуне...

Но всё это было втуне,
Поскольку Future Perfect уже сидел рядом с нами —
вот, прям, за нашим столом.

— Знаете, — закулив трубку, — произнёс, наконец, он, —
тендер
на новый год опять выиграл этот старый чудака
с посохом и бородой.
Он скоро придёт, нажмёт Enter,

покачает, как всегда, головой,
скажет своё банальное: «так-так-так...»,
и мир покатится дальше за Вифлеемской звездой.
Нет, этот бренд: 20—1... если не ошибаюсь, 4 —
в нём нет ничего плохого...

Будьте любезны, плесните-ка мне ещё немного сухого...

Но если посудить шире,

то отчего бы году не быть, например, снова две тыщи де-
вятым?

Нет, он не был, конечно, облит шоколадом...

Или вот, скажем, вторым от Рождества Христова?

Так, чтоб начать всё, как говориться, ab ovo...

Откровенно сказать, мне несколько надоел этот Perfect,
равно как и его болтовня.

Я взял сигарету, вышел во двор.

Новый год, как пока совсем неопознанный нами объект,
уже заходил на посадку. Издали он был вылитый Кохинор.

Сделав ещё пару кругов, он неуклюже сел подле меня.

Ты подошла, встала рядом.

Проследив за моим взглядом,

прошептала: «что будет с нами,
когда этот новый войдёт во вкус?..

Дай мне, пожалуйста, руку».

Мы стояли обнявшись. Округа

покрывалась слоистыми временами.

А в темноте открывался шлюз.

Мы когда-то здесь шли

20—14... от Его Рождества...

Никто из нас раньше тут не был.

Кто-то шепнул: тут есть обычай любовь умножать на два.

Другой, что-то прикинув, буркнул: это место немного левее неба.

Но ты сказала, что в этом году точно так, как везде.

Впрочем, легко говорить, когда за спиною крылья,

А ещё – на любую комету билет, чтоб летать от звезды к звезде.

А тут... каждый из дней рвёт кожу, как бандерилья.

Прости! Прости... Я снова не то говорю!..

Я, конечно же, видел твои следы на разбитых ножах зеркал.

И теперь, когда мы ищем замену минувшему календарю,

Мне сложно поверить, что я тебя прежде не знал.

20—14... от Его Рождества...

Никто?.. Но вот – наш костёр. Вот – зола и угли.

Небо смыто дождями, земли стёрты песком, тропы приметны едва,

Но я знаю точно: мы когда-то здесь шли...

Апрель – ангел календаря

Тень, обожженная солнцем, уползает в норы —
Робкий взъерошенный крот.
Выдавленные за ночь рабы прячутся на сайте Пандоры,
Но утром уходят в сброд.
Гравитация ведёт себя из рук вон...
Без перекуров и пауз.
На одном башмаке – Ефрон,
На другом – Брокгауз.
И не очень-то побежишь
В сорокотомных гэта.
Одно утешает лишь —
Скоро лето.
Всё уже расцвело:
Абрикосы и яблони, улитки в аквариуме и книги.
Глядя недоумённо на радужное крыло,
В небе остановились МиГи.
«Это прекрасно!», кричит им апрель —
Ангел календаря. (Он ещё не медь, но уже не латунь).
И нужно заметить: одной из своих недель
Он так похож на июнь...

Будто карамельки он разгрызает лёд.
Что с него взять?.. Озорник, фантазёр и плут!

Жаль, мало кто видит, как он идёт.

Уставились в землю... Жуют фаст-флуд.

Ветер на льду

Ты заварила глубоководный чай
полной луны.

Ты прошептала: не отвечай
на призыв тишины.

Эти призывы непредсказуемы,
мало ли чем закончится тьма?..

И если не образумимся,
под наши шторы вползёт война.

А война – это глобальный системный сбой.

Об этом поёт сосед – шёпотом, на урду.

Но чтобы там ни было, я буду рядом с тобой.

Хотя, я – не больше чем ветер на льду.

К чему?..

Всё продвигалось вперёд.
Шёл к процветанию народ.
А впрочем, может, к обнищанью.
Весь мир качался, но качанью
Мы не давали укорот.
И всё вокруг пило и ело,
И мы – восторженно и смело —
Хотели двинуть на врага.
Да и враги того ж хотели.
(Там тоже что-то пили-ели.)
И мы, сближая наши цели,
Кричали: жизнь не дорога!..

К чему враждуют племена?
Увы, ответа нет поныне...
Но если канет мир в пучине,
Вина —
Всем поровну она...

Морок

Диагональный мир. Багровый туман.
Разбитое небо – внизу. По бокам – океан.
Над головою – нечто пустое...

Время проснуться! Мгла простёрла крыла.
Смерть больше не пьёт из рюмок. Пьёт со ствола.
Морок ползёт в плаще с кровавым подбоем...

О девяти хоботах и тридцати головах...
Вырублен лес, из пней – тысячи плах...

Стоит ли жить у морока под пятою?

Навылет

Шагала жизнь и время шло.
И проходило всё навывлет.
Добро, проросшее во зло,
Шептало: мрак напрасно вылит.

Темнели тени мелких тем,
Без всяких поводов к рождению.
Все уезжали насовсем —
Затылок их служил мишенью.

И справедливости на всех,
Чем дальше — чаще не хватало.
Но тьму взрезало лучше всех
Из перьев кованное рало.

Аминем бесов не избыть

Аминем бесов не избыть,
Глаголом сердца – не измерить.
У них особенная прыть
И смрад исчисленного зверя.

У них три тысячи голов.
И самомненье за шкалою.
Их гимны – стоны кандалов.
Их стяги – тени надо мглою.

Но мы безмолвны. Тишина...
А время – как маньяк с заточкой...
Друзья, воспрянем ото сна!
Чтоб не угаснуть в одиночках.

Что будет дальше...

День хмур... И тикают часы
Лишь понукаемы привычкой.
Из точек утренней росы
Пьют осы. Спам гнездится в «личке».
Неспешно крутит фуэте
Прохладный ветерок понурый —
В кромешной гладкой высоте.
Включу ТВ. Прет-о-порте...
Не нужно... Дальше... На «Культуру»...
Тут Чацкий – злом уничижён —
Кричит: карету мне, карету!
Хочу немедля в Лиссабон!
Не откажусь и от Толедо...
А, впрочем, можно в Фамагусту!
Не знаю, прав ли в этом он...
Переключаю... пусто... пусто...
А вот и дерзкий Колобок —
Пример отважного скитальца.
(Он по-английски – просто «ок»,
Вот – демонстрирую на пальцах...)
Так день бредёт. А мне твердят,
Что ты вне зоны. СМС-ки
Идут куда-то наугад...

Заходит дождь в громах и блеске...

Что будет дальше – не узнать...

А можно лишь «pourquoi pas`ть».

И, забывая про свои – пока грядущие могилы,

Мы мчим вперёд что было силы.

Вперёд и вверх! Летим! Летим мы!

Но шар земной, бегущий мимо,

Нас не желает отпускать...

На кинематическом вираже

Держи меня под руку. Пожалуй, пройдем здесь рядом.

А далее – ночь. Я пойду впереди.

Осень разлита сладким душистым ядом,
но завтрашний день неудержим взаперти.

Те, кто ушёл по тропе, передают, что там – за углом – зима;
будьте настороже;

не потеряйте контроль на кинема-
тическом вираже.

Но – вот парус, а вот и – борд.

Скользим...

Поёт розовощёкий норд
теперь нам. Не им.

Во имя

Вот – годовые кольца.

Направь микроскоп – так виднее.

Записано всё. Скажем, вот Ной пировал и спасённые ной-цы,

А здесь разжигали томами дома во имя великой идеи.

А тут – ну, так, между делом

(Во имя всего человечества в целом) —

Кого-то распяли... Жаль, неразборчиво имя еретика...

Впрочем, нет... повесили просто на рее,

Когда вместо года бежал мимо нас час быка.

А здесь шли дождями ночные века,

А тут вот опять же... кого-то – всё ради детей, и

Мира для всех, и всеобщего блага.

А здесь можно видеть всё то, что случится потом...

Но далее вечность небрежным перстом

Оставила только автограф – корявым зигзагом...

19.10.2014. Пятигорск

А вот и снег... Плывёт во тьме Машук
В недвижимом зыбком облаке сердитом,
Пронзая телебашенным бушпритом
Миры вокруг. И видишь как-то вдруг,
Что жили мы от века не всерьёз
(А, впрочем, и теперь не так, чтоб очень),
И снова день сутул и скособочен,
И даже сны не рассказать без проз.

А снег сильнее... Хладен перестук
Седых крупниц по крышам и скамейкам.
Трепещет солнце – бледною наклейкой.
Спешит к зиме линяющий Машук —
Торит сугробы в сумраке стальном,
Вершит кольцо, таящее от стужи...
Но ветры севера успели неуклюже
Свить гнёзда прямо за моим окном.

Царапая карту вселенной (2014—2015)

Беспилотник

Из области тьмы,
Из дальних пучин
Без веских причин
Идёт беспилотник.
Там пишут псалмы
При свете лучин
Три беса зимы
И Солнечный Плотник.

Псалмы их домчат
До наших земель
И в новый апрель
Пролятся дождями.
Рассеется хлад
И сгинет метель.
И свет будет свят,
А солнце — над нами.

О чём нам жалеть?

О чём поминать?

Печаль коротать —

Ох, право, нет проку.

Хотя бы на треть

Осколки собрать,

И можно согреть

Весь мир за порогом.

Царапая карту вселенной

Шёл я по морю, а всё – по колено,
Взором царапая карту вселенной.
И так было ладно, да вышел мне крен на
Остров – янтарный Буян.
Там с клёкотом в небе кружили иные,
Там атлас вселенной сшивали святые,
Сидя в сияньи по самые выи,
Глядя в океан.

Вот тут и возник я из тины и пены —
Вскормленный ядом солёной Селены.
И было вестимо: грядут перемены,
Дабы изничтожить изъян.
Там – в коло, который вели водяные,
Тебя охранил я от Дыя и Вия,
И наглядеться не смог на черты. И
На русальный стан.

И, выбравшись вон из зыбучего плена,
Шли мы, обнявшись, всенощно, вседенно.
И звёзды лучилися Богоявленно.
Ветер пел – рьян и румян.
И реяли – мрачны – над нами стихии.

Брели мы по морю, да вышли сухие.
Видно не зря нам с тобою, my dear,
Свет прозренья дан...

Коктейль из огня

В семи зеркалах – дрожь тишины
И смесь из сортов огня.
Вот этот огонь – полярной луны,
А вот – Благовестного дня.
Вот тот, лимонный – длинных мечей,
А этот... сейчас поглядим.
Жаль, не подписан. Выходит, ничей.
Хочешь, он будет твоим?

Смесь из огней мы вкушаем с утра,
Чтоб мрак отступил с дорог.
Вот в этом огне – реют ветра,
А тот – от ветров продрог.
Горящий коктейль – как святая вода,
Словно сансарный круг.
Сам Шива пьёт его иногда —
Когда не хватает рук.

У всякой искры особый нрав,
Но каждая точит тьму.
Вот эта – из песен бродячих трав,
Эта – чтоб петь самому.
Сварим пламя семи зеркал —

В нём рассвет, нам он свыше дан.
И наполню тебе до краёв бокал,
И до края – себе стакан.

Полгода

Щербатый камень.
Сырая тень.
В сердечки ставень
Глядит сирень.
Барк покидает
Родимый порт.
Печаль пылает,
Но пламень твёрд.

Её моряк
Ушёл во тьму.
И застит мрак
Пути ему.
Душа горит,
На сердце лёд.
Кто пьян да сыт —
Тот не поймёт.

Но прочь полгода,
И схлынет мгла.
Не вспомнит сроду,
Как прожила.
Свет ясный ставень

Распахнут в синь...

Ах, клятый пламень,

Скорее сгинь!

Можешь стать рядом со мной

Смысл ещё немного остался – на самом дне,
но ему не хватает слов.

Я думал: поймаю хотя бы с десятков, но не
велик мой улов.

Каждый хочет доказать свою правоту;
назвать тех, кто всему виной.

Но все – по эту сторону и по ту —
только брызжут слюной.

Война забирает лица,
оставляя грязные тени на мостовых.

Никто не знает, сколько это продлится,
Но я буду стоять между тех, кто за нас и тех, кто за них.
Я уже делал так прежде. Как выйдет сейчас?..

Они, конечно же, вырвут нас с корнем, чтоб ринуться
в бой.

Но если ты тоже знаешь, что лишь любовь выручит нас,
можешь стать рядом со мной.

Над холмами во ржи (к вопросу о *Erinaceus nebula*)

Когда закончена ночь длинных ежей,
Ежи покидают туманность – как Эос – розовоперстны.
Их взор обращён к облакам – это взор благородных му-
жей.

И по ветру летят их рассветные песни.

А когда город лежит обездвижен,
А день суров и свинцов,
Они разделяют сны мирных хижин
И мир военных дворцов.

Их среда обитанья – между волком и псом —
Там, где растёт незаметность, где ворчат камыши.
Но когда они отсекают от света мрак изомерным резцом,
Мы можем свободно дышать над холмами во ржи.

Наши будущие следы

Мы учили друг друга не плакать
на языке утомившейся смерти,
когда она выходит на бис.

Вечер и гидрометцентр проповедуют слякоть,
бубнят о хлябях и тверди
и, что она (ну, то есть, смерть) не требует виз.

Дескать, на входе в рай, на пороге в ад
не спросят паспорт или членский билет.

И куда ни кликни, всюду клином дымит обречённый град.
И только дым оставляет след.

Но нынче ночь ходила в саду боса;
звёзды мерцали на все лады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.